

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Издатель А. А. Иосифович.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ.

Редактор А. Н. Стоянов.

ГАЗЕТА ОБЩЕСТВЕННАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ.

№ 251.

ХАРЬКОВЪ, ВОСКРЕСЕНЬЕ 20 Сентября (2 Октября) 1881 года.

Годъ I.

ОТДѢЛЬНЫЕ ЛЕМ „ЮЖНОГО КРАЯ“ ПРОДАЮТСЯ по 6 К.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

„ЮЖНЫЙ КРАЙ“,

1881 ГОДА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Безъ доставки.	Съ доставкою.	Съ перес. изгнор.
На 1 годъ	10 р. 50 к.	12 р. — к.	12 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ	6 р. — к.	7 р. — к.	7 р. 50 к.
„ 4 „	4 р. 50 к.	5 р. 20 к.	5 р. 60 к.
„ 3 „	3 р. 50 к.	4 р. — к.	4 р. 50 к.
„ 2 „	2 р. 40 к.	2 р. 80 к.	3 р. 20 к.
„ 1 „	1 р. 20 к.	1 р. 40 к.	1 р. 60 к.

Подписываться можно на все сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждаго мѣсяца; но каждаго срокъ простирается не далѣе чѣмъ до конца 1881 г.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ главной конторѣ редакціи газеты въ г. Харьковѣ, на Московской ул., въ д. Императорскаго Харьковского Университета, № 7-й, при „Публичной Библиотецѣ“ А. А. Иосифовича; ТАЖЕ ЖЕ ПРИНИМАЕТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Кромѣ того, подписка принимается въ 6-Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: И. Г. Мартынова и „Новое Время“, въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова; въ Киевѣ въ книжномъ магазинѣ Е. И. Дедовова; въ Одессѣ въ книжномъ магазинѣ В. И. Виноградова; въ Полтавѣ въ книжномъ магазинѣ Г. И. Войно-Родченка и въ Кременугѣ, у нотаріуса И. Ф. Замбергера.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: изъ Франціи исключительно въ Парижѣ — у Havas, Lafite et Co, Place de la Bourse; въ Москвѣ — въ Центральной конторѣ объявленій для всѣхъ европейскихъ языковъ, на Петровскѣ, домъ Солодовникова, въ Петербургѣ — въ той же конторѣ на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Струбинскаго и въ Варшавѣ — въ парижскомъ агентствѣ объявленій Рейхманъ и Френдлеръ на Сенаторской улицѣ, въ домѣ № 22.

Главная контора газеты проситъ Г. подписчиковъ сообщать о неаккуратности доставкѣ газетъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Харьковъ, 19 сентября 1881 года.

Шестая хроника: Городская дума. — Изъ городской жизни. — Некрологъ.

Дѣйствія правительствъ.

Телеграммы (отъ спеціальнаго корреспондента „Южнаго Края“ и отъ „Международнаго телеграфическаго агентства“).

Послѣднія извѣстія.

Спущенія извѣстій: Корреспондентъ „Южнаго Края“ изъ Севастополя. — Извѣстія другихъ газетъ изъ Одессы, Ростова-на-Дону, Новочеркасска и Каменска-Польскаго.

Политическое обозрѣніе.

Будежная хроника: Харьковский окружный судъ.

Слѣбъ.

Календарь.

Справочныя свѣдѣнія.

Фельетоны: Замѣтки о театрѣ, Г. объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

19-го сентября 1881 г.

Важность разсматриваемаго правительственной комиссіей вопроса, о мѣ-

ЗАМѢТКИ О ТЕАТРѢ.

Говорятъ—нѣтъ дѣйствія безъ причины; но спектакль, состоявшійся въ субботу, 12 сентября, въ нашемъ драматическомъ театрѣ, блистательно опровергъ эту аксіому. Присутствуя при представленіи „Дочери вѣка“, мы имѣли случай видѣть дѣйствіе пять дѣйствій, совершенно неимѣющихъ никакой причины, кромѣ развѣ наклонности автора къ усовершенствованію своего почерка. Прочтѣвъ онъ въ газетѣхъ процессъ Артемьевой и рѣшилъ, что надъ нимъ можно поупражняться—ну и поупражнялся. И точно: почему застрѣлся герой, какъ такъ случилось, что героиня, дама съ не весьма чувствительнымъ сердцемъ, очертъ голову влюбляется въ барона даже до „жестокости погубилъ“, какъ выражаются горничныя; затѣмъ прокуроръ, опять таки влюбленный въ героиню, поднимаетъ приказъ объ ея арестѣ—все это такъ и остается „покрытымъ мракомъ и водой“—водой нестерпимо „сырого“ авторскаго языка—и даже „духъ“ автора „не носился надъ бездною“ этого пустолова, ибо и духа то никакого нѣтъ... Какъ бы то ни было, все же надо отдать отъчотъ объ ирѣ г-жи Кадминой, выступившей для втораго своего дебюта въ роли главной героини названной пьесы, Сталь-Сталинской, —ибо пьеса сама по себѣ, а актеръ самъ по себѣ. Конечно, опять и опять, какъ и въ „Мертвой петлѣ“, авторъ даже не далъ и канвы, такъ что артистѣ пришлось создавать все самой, но это, очевидно, можетъ служить лишь смягчающимъ обстоятельствомъ, не болѣе. Опять и опять мы должны замѣтить г-жѣ Кадминой все тоже: роль была ею не выдержана. Первый актъ весь сошолъ превосходно, особенно кокетливыя сцены. Во второмъ и слѣдующихъ актахъ опять таки всѣ кокетливыя сцены были отдѣльныя мастерски, особенно сцена полускрѣпленнаго

подушечнаго объясненія съ плаксивымъ героемъ, котораго изображалъ г. Свѣтловъ. Эту сцену г-жа Кадмина, надо отдать ей справедливость, отдѣляла до самыхъ мелкихъ деталей, до неуловимой игры лица и всей фигуры, которая именно накладывалась на исполненіе всей сцены послѣдніе штрихи, сообщившіе ей художественную цѣльность и законченность, недоступныя никакому изученію, а лишь таланту, какъ молнія освѣщающему все то, изученное и выработанное, стирая для зрителя аляповатые слѣды тяжелаго труда, обрвавшихся попытокъ и усилій. Но за то, всѣ, такъ называемыя „сильныя сцены“, гдѣ должно было проявляться такое или иное, доброе или злое, но страстное и глубокое чувство—всѣ такія сцены плохо удались г-жѣ Кадминой, вышли сухи, носили на себѣ явные слѣды „дѣланности“, а потому и не произвели должнаго впечатлѣнія. Конечно, подкупить толпу въ подобныхъ сценахъ легко: стоитъ только какъ можно больше кричать и ломаться, прибегая къ самымъ эффектнымъ „выкрикамъ“ къ концу. Такъ и дѣлаютъ обыкновенно заурядные актеры, когда у нихъ не хватаетъ ни средствъ, ни таланта, чтобы провести сцену надлежащимъ образомъ, т. е. съ тѣмъ „нутреннимъ огнемъ“ и страстью, который ужъ никакъ не выражается въ повненіи голоса и кривляніи. Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что у г-жи Кадминой мы не замѣтили даже и попытокъ къ подобнымъ „легкимъ средствамъ“, всегда отличающимся или бойкою и самоуверенною бездарностью, или испарянностью таланта. Г-жа Кадмина, очевидно, не поддается артисткѣ? Не берусь рѣшать этого вопроса окончательно, видѣвши г-жу Кадмину лишь три раза

въ драматическихъ роляхъ, но одинъ изъ элементовъ этой „причины“ попытаюсь указать теперь. Мнѣ кажется, что г-жа Кадмина плохо примѣняетъ богатыя средства своего обширнаго и гибкаго голоса. Можно возвести почти въ общее правило, на что, между прочимъ, указываютъ и Лессингъ въ своей „Драматургіи“, что сцены „сильныя“, выражающія страсти, глубоко затрагивающія весь организмъ человѣка, актеръ всего удобнѣе и выгоднѣе вести на низкихъ нотахъ, если таковыми въ его голосѣ достаточно гибки и симпатичны. И точно, передавать страстные переходы на высокихъ нотахъ рискованно уже потому, что тутъ или легко оборваться, или, еще легче, совершенно произвольно впасть въ неприятную и рѣзкую уху кривильность. Наша же артистка именно усвоила привычку вести всѣ указанныя характеры сцены на высокихъ нотахъ. Такимъ образомъ, приходится либо брать крикомъ—чего г-жа Кадмина, очевидно, не хочетъ,—либо впадать въ сухость, потому что лишь низкія и среднія ноты голоса могутъ звучать тѣмъ полнымъ, гармоническимъ звукомъ, который способенъ передать „нутреннюю“ страстность, не прибѣгая къ выкрикиванію и кривильности. Только употребленію такой приемы, можно воспользоваться софтомъ Шекспира, устами Гамлета—внушающаго актеру, что бы онъ „среди потопы и водоворота страсти сохранялъ умѣренность“. Этимъ именно и сказано, что сила не въ крикѣ, а въ полнотѣ звука, въ выразительности слова и фразы. Видѣвъ актеръ—тогда же музыкантъ. Слова и періоды роли для него тѣ же ноты и такты. Онъ долженъ ихъ развѣрять, каждому придать надлежащее выраженіе, отвести надлежащее мѣсто и, затѣмъ уже, послѣднимъ творческимъ вымахомъ свести все въ одну стройную и законченную гармонію созданнаго характера. Тогда только зритель будетъ удовлетворенъ; тогда только, когда онъ приготавливаетъ осмысленную чистую су-

хихъ и невыдающихся мѣстъ роли—тогда только уже одинъ жестъ, улыбка, мимолетная игра лица, мастерски сказанная фраза, сразу, какъ молнія, освѣщаютъ ему все, не оставляя мѣста чувству неурядицы неудовлетворенности. Однако, какаго странности Г-жа Кадмина играетъ нѣсколько неровно, не всегда выдерживаетъ роль, кое-какія сцены у нея выходятъ сухи, во все же она играетъ хорошо, а многія сцены исполняетъ, какъ первоклассная артистка. Откуда же это нѣсколько сухое отношеніе къ ней публики, публики, столь неразборчивой и щедрой на рукоплесканія и оваціи. Повидимому, это очень несправедливо—гдѣ же причина такой несправедливости? Я тутъ говорю не о томъ полусудетѣ „соврасовъ“ безъ узда“, вновь познавшихъ себя неприличныя выходки во время представленія „Дочери вѣка“. Эти рывки, кривы, кромѣ пренебреженія со стороны артистки и порицанія со стороны публики, которой они мѣшались смутить и слушать, конечно, ничего не заслуживаютъ. Нѣтъ, я говорю о большинствѣ, о публикѣ. Откуда же такая несправедливость? Мнѣ кажется, что несправедливости тутъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что массу легко обмануть. Ее обманетъ всякій талантливый и даже бездарный шарлатанъ, лишь бы онъ сумѣлъ дать кричащія, хотя бы и дубочныя, краски. Но за то привождать массу къ своей колесницѣ сразу и безповоротно можетъ только гений, сжимающій ее своей львиной лапой. Обыкновенному же таланту, желающему оставаться добросовѣстнымъ, очень трудно подчинить себя массу. Для этого, онъ долженъ въ совершенствѣ воспользоваться всѣми своими силами и средствами, такъ чтобы на его созданіи не было ни одного пятна. И это понятно. Пятна на малярскомъ издѣліи, съ кричащими красками сомнительнаго достоинства—никого не шокируютъ. Они незамѣтны, потому что и само оно, это издѣліе, просто одно кри-

чащее пятно. Самое же незначительное пятнышко на прекрасной картинѣ уже васъ шокируетъ, мутитъ, мѣшаетъ вашему наслажденію, раздражаетъ васъ. Масса не разсуждаетъ, а чувствуетъ. Ей важно впечатлѣніе. Ей не подѣ силу анализировать и осмысливать его. Она, конечно, ошибается, когда восхищается малярскимъ пятнышкомъ, но она, въ извѣстномъ смыслѣ, права, инстинктъ ея вѣренъ, когда латынско на прекрасной картинѣ мутитъ ее. Права именно потому, что отъ нея можно требовать истинно впечатлѣнія, а никакъ не анализа. А впечатлѣніе вѣрно... На прекрасныхъ картинахъ, которыя создаетъ г-жа Кадмина, такъ довольно пятнышекъ. Но, съ другой стороны, не худо бы было публикѣ понять, что относиться сдержанно и сухо къ выработавшемуся на ее глазахъ таланту врядъ ли справедливо. Впечатлѣніе то впечатлѣніемъ, а все же не худо бы хотѣть немногого анализа... Это вѣдь не въ первый и не въ послѣдній разъ. Пройдетъ два—три года, и г-жа Кадмина будетъ приставно и усидчиво работать,—помните мое слово господи—вы, тѣ же вы, будете платить сумасшедшія деньги за мѣста въ ея спектакляхъ. И многіе вовсе не потому, что г-жа Кадмина станетъ лучше актрисой, чѣмъ теперь, а просто изъ моды... Вотъ это то и горько и обидно. Впрочемъ, что станете дѣлать? Люди всегда люди... Объ остальныхъ исполнителяхъ умолчу: умолчу объ г. Неаевѣ, который почему то, исполняя роль прокурора, съчелъ нужнымъ говорить затрѣбнымъ голосомъ объ господинѣ... Впрочемъ, я общалъ молчать—и молчу. Одно лишь замѣчу г-жѣ Зѣврей. Когда она играетъ просто—выходитъ хорошо и толково; когда же она вдается въ несвойственный ей трагизмъ, какъ сдѣлала это въ „Дочери вѣка“—это выходитъ довольно плачевно...

той судьбѣ г. Шпажинскаго. Отчотъ объ этомъ спектаклѣ начну а съ г. Максимова, прошлагогодняго нашего знакома, въ нынѣшній сезонъ въ первый разъ выступившаго въ роли Николашки. Г. Максимовъ—актеръ очень добросовѣстный, толковый и талантливый, „большая польза“, говоря техническимъ языкомъ театра. Онъ не испортилъ никакой роли, какую-бъ ему не поручили, развѣ уже она будетъ совершенно въ его амплуа. Очень многіе роли у него тщательно и хорошо обработаны, а въ нѣкоторыхъ онъ возвышается и до истиннаго художественнаго творчества. Одна изъ такихъ его ролей—именно роль Николашки, такъ что г. Максимовъ поступилъ очень расчтливо, выбравши ее для своего дебюта. Мы хорошо помнимъ прошлагоднее исполненіе имъ этой роли. Едва намѣченную авторомъ, онъ сумѣлъ ее создать такъ типично, что, конечно, надолго останется въ памяти видѣвшихъ его въ этой роли. Николашка—сельскій портной, лѣтъ, пожалуй, за пятьдесятъ, уже совсѣмъ исчезающій изъ жизни типъ—одинъ изъ обломковъ крѣпостнаго права. Лысый, лысый лобъ, лысая, круглая голова въ „кудришкахъ“ сохранившихся остатковъ волосъ, круглая борода съ просѣдью обрамляетъ круглое, добродушное, по усамъ смахивающее на котъ, лицо. И сколько въ этомъ морщинистомъ лицѣ доброты и мягкости, такъ и свозвѣщающій сквозъ комично-недовольную мину, и сколько той же доброты и мягкости въ мутноватыхъ, съ жиденькимъ блескомъ, глазахъ этого пропойнаго пьяницы портнаго Николашки. И какъ всему этому соответствуетъ и разбитый, какъ будто напизный, съ какимъ то ребячьимъ отнѣнкомъ голосъ, и „отпорки“, въ которыхъ заворочены измученшіеся штанишки, и не менѣе замусоленный „пинжакъ“, съ вѣчно оттопыренными лапами. И до того онъ испещренъ, что и пьянь то никогда ужъ не бываетъ, а такъ какъ то всегда въ „совсемъ

воримъ о томъ, что описанное положение горнорабочихъ едва ли вообще можетъ быть терпимо въ государствѣ.

Угледомышленныя сѣзды на югѣ Россіи давно сознавали необходимость мѣръ. Имѣя въ виду хотя нѣсколько ослабить пьянство, горнопромышленники на первомъ же сѣздѣ въ 1874 году постановили ходатайствовать передъ правительствомъ, чтобы было воспрещено строить кабаки на разстояніи отъ рудника ближе 2-хъ верстъ. Мѣра эта необходима уже ради того, чтобы водворить спокойствіе на самомъ рудникѣ и отбѣлать пьяную и бующую толпу отъ остальныхъ рабочихъ. Но въ пользу этой мѣры говорятъ и то, что въ отдаленные кабаки будутъ меньше ходить, по пословицѣ „подальше отъ соблазна“, въ особенности зимой, и въ грязную осень.

Но вывѣсть съ тѣмъ желательно, чтобы и число кабаковъ было ограничено и по возможности сокращено.

Постройка кабаковъ въ степи и на большой пробѣжѣ дорогъ должна быть безусловно воспрещена. Далѣе, желательно ограничить права евреевъ на торговлю спиртными напитками, ибо они, какъ показывается дѣйствительностью, являются элементомъ, наиболѣе эксплуатирующимъ горнорабочихъ. Тамъ, гдѣ кабаки будутъ допущены, необходимо установить правила, въ силу которыхъ розничная продажа водки въ будни была бы воспрещена, а въ праздники торговля водкой производилась бы съ 11-ти часовъ утра до 8-ми часовъ вечера. Далѣе, подъ страхомъ тяжелой ответственности, должно быть воспрещено принимать въ кабаки отъ рабочихъ квитанціи или ордера, выдаваемые имъ конторою рудниковъ на получеіе изъ магазина разныхъ товаровъ и продуктовъ. Наконецъ, безусловно должно быть воспрещено содержать кабаки подрядчикамъ, поставляющимъ рабочихъ для горныхъ работъ.

Всѣми перечисленными мѣрами пьянство можетъ быть значительно ослаблено, и мы не сомнѣваемся, что ихъ примѣненіе отозвѣтается въполнѣ благотельно на положеніе горнорабочаго класса на югѣ Россіи. Но кромѣ указанныхъ, такъ сказать, частныхъ мѣръ, должны быть приняты мѣры общія, связанныя съ улучшеніемъ быта горнорабочихъ, и главнѣйшія изъ нихъ состоятъ, по нашему мнѣнію, въ слѣдующемъ:

- 1) Должно быть допущено свободное переселеніе рабочихъ изъ средней Россіи въ донецкій каменноугольный бассейнъ.
- 2) Должна быть упрощена паспортная система и удешевлены способы получеіе рабочими паспортовъ изъ волостей.
- 3) Должны быть уменьшены и даже совершенно уничтожены подрядческія работы. Въ этомъ отношеніи желательно, чтобы и угледомышленники прониклись убѣжденіемъ въ важности

и полезности способа задѣльной работы, при которой между ними и рабочими не составлялся посредникомъ подрядчикъ.

Въ „Моск. Вѣд.“ помѣщена чрезвычайно дѣльная статья по вопросу о пьянствѣ.

Нельзя не сочувствовать желанію газеты, чтобы занятія экспертовъ не были облегчены тою совершенно излишнею канцелярскою тайною, какая собоюдалась относительно занятій подгототительной комиссіи. При условіи возможно большей гласности, эксперты не будутъ имѣть недостатка въ разнообразныхъ практически-полезныхъ указаніяхъ со стороны людей, близко стоящихъ къ народу и, на основаніи знакомства съ нимъ, способныхъ сдѣлать полезные замѣчанія какъ на общія положенія, такъ и на частности проекта—замѣчанія, которыми было бы жалъ не воспользоваться? Говоря, далѣе, о защищаемыхъ многими „общественныхъ кабакахъ“, газета справедливо говоритъ:

Учрежденіе общественныхъ кабаковъ будетъ для лучшихъ средствъ противъ пьянства. Миръ, заинтересованный въ приносимыхъ мѣрскимъ кабакомъ доходахъ, будетъ всегда на стражѣ противъ нарушеній своихъ интересовъ частными лицами и не допуститъ, поэтому, тайныхъ шинковъ, которые отбывали бы потребности общественнаго заведенія. Въ мѣрскомъ кабацѣ крестьяне будутъ покупать только наличныя деньги; ни подѣла, ни выдѣла, ни просто въ долгъ, въ счетъ будущаго урожая и будущихъ заработковъ, мѣрской кабакъ опущенъ вино не будетъ, и, стало быть, такимъ образомъ, будетъ де устранено одно изъ главнѣйшихъ золъ, на которыя нынѣ такъ жалуются. Крестьяне будутъ пить много, казенный доходъ не уменьшится, а возрастетъ, но крестьяне все-таки будутъ де въ болѣе-мѣнѣе выигрывать. Изъ громадныхъ суммъ приносимыхъ нынѣ народамъ, лишь половина и даже меньше идетъ въ казну, другая половина идетъ въ пользу проваданаго контрагента, а именно въ пользу лѣтней торговли. При учрежденіи общественныхъ кабаковъ, миллионы, идущіе нынѣ въ руки кабатчиковъ, пойдутъ въ пользу самихъ крестьянъ, въ ихъ мѣрской капиталъ, изъ котораго будутъ де уплачиваться нынѣшніе недоимки и подати и вообще производиться всѣ полезныя мѣрскія расходы.

О возможныхъ послѣдствіяхъ „общественныхъ кабаковъ“ газета замѣчаетъ: Кабаки въ его нынѣшнемъ видѣ съ смѣломъ какъ на очевидное зло. Разныя взгляды на него вѣтъ. Кабаки существуютъ, но лишь потому, что пока не были присысканы средства отъ нихъ отбѣлаться и не доставало на то рѣшимости. Иное будетъ дѣло, если кабаки будутъ придать характеръ не разорительныхъ, а какъ бы благотворительныхъ для народа учреждений. Гласныя кабаки, на которыхъ вино не будетъ, и, стало быть, такимъ образомъ, будетъ де устранено одно изъ главнѣйшихъ золъ, на которыя нынѣ такъ жалуются. Крестьяне будутъ пить много, казенный доходъ не уменьшится, а возрастетъ, но крестьяне все-таки будутъ де въ болѣе-мѣнѣе выигрывать. Изъ громадныхъ суммъ приносимыхъ нынѣ народамъ, лишь половина и даже меньше идетъ въ казну, другая половина идетъ въ пользу проваданаго контрагента, а именно въ пользу лѣтней торговли. При учрежденіи общественныхъ кабаковъ, миллионы, идущіе нынѣ въ руки кабатчиковъ, пойдутъ въ пользу самихъ крестьянъ, въ ихъ мѣрской капиталъ, изъ котораго будутъ де уплачиваться нынѣшніе недоимки и подати и вообще производиться всѣ полезныя мѣрскія расходы.

Мы выполнѣ раздѣляемъ мнѣніе „Московскихъ Вѣдомостей“ и постоянно утверждали, что цѣлѣю законодательныхъ мѣропріятій должно быть ограниченіе пьянства, а не забота о томъ, куда пойдутъ пропитанія деньги. Послѣднее обстоятельство должно быть второстепенною заботою. Не можемъ

при этомъ не упомянуть о тѣхъ мѣрахъ противъ пьянства, какія практикуются въ настоящее время, въ Швеціи и Норвегіи. Система эта называется готенбургскою, вслѣдствіе перваго ея примѣненія въ Готенбургѣ. Въ 1865 г. образована была въ этомъ городѣ комиссія, которая приписала причины страшно развивающагося пауперизма—пьянству. Комиссія была того мнѣнія, что пока въ интересахъ кабатчика будетъ—продавать какъ можно болѣе количество водки, всякое стараніе уменьшить пьянство будетъ безуспѣшнымъ.

Для проведенія этого правила въ Готенбургѣ составилась акціонерная компанія изъ почтеннѣйшихъ представителей города, съ цѣлю постепенно приобрести отдѣльные шинки и вести водочную торговлю на свои средства, такъ чтобы доходъ шолъ въ пользу города, а убытокъ падалъ бы на членовъ общества.

Изъ 61 кабака, дозволеннаго въ Готенбургѣ въ 1865 г. при населеніи въ 60,000 чел., эта компанія приобрѣла уже въ слѣдующемъ году большинство, а въ 1868 г. всѣ остальные. Изъ нихъ 21 былъ закрытъ, въ остальныхъ производилась торговля по вышеупомянутой системѣ.

О пользѣ готенбургской системы толкуютъ различно. Но борьба съ пьянствомъ не есть дѣло, дающее сразу видные результаты. Поэтому, какъ бы малъ ни былъ успѣхъ, онъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ успѣхъ.

МѢСТНАЯ ХРОНИКА.

Городская дума. Въ засѣданіи думы 18-го сентября особенный интересъ возбуждалъ вопросъ о трактирныхъ и питейныхъ заведеніяхъ и объ извозномъ промыслѣ въ Харьковѣ. Городскую управу должно было, что трактирныхъ заведеній въ городѣ имѣется 324 и что общія суммы акциза съ нихъ опредѣляется, приблизительно, въ 65 тыс. руб.; на долю каждаго заведенія приходится по 199 1/2 руб. Гласный Горюновъ возбудилъ вопросъ о странности этой цифры взиманія налога; на это было замѣчено, что, если бы налогъ равнялся не 199 1/2 руб., а 200 руб., то трактирнымъ заведеніямъ пришлось бы нести еще гильдейскія пошлины, между тѣмъ какъ, въ настоящее время, они отъ этого избавлены. Далѣе, выносились еще и то, что управа разомъ получаетъ 65 тыс. не вѣдая, какъ они распределяются на каждое трактирное заведеніе; распредѣленіе это зависитъ отъ соглашенія содержателей между собою. Неформальность такого порядка побудила многихъ гласныхъ высказаться въ смыслѣ замѣны его инымъ распредѣленіемъ налоговъ по назначенію думы. Въ виду этого выражено было желаніе, чтобы управа разослала гласнымъ смѣту акцизнаго сбора съ каждаго трактирнаго заведенія и затѣмъ дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса отложено до слѣдующаго засѣданія. Нельзя при этомъ не отмѣтить того страннаго факта, что управа почему то осотую и прекрасную сущность этой души. А такой то любви и не встрѣтила Глафира на своемъ пути, и въ этомъ вся трагедія ея жизни. Конечно, не тупое, дубовое и пошлое резонерство дубоватаго пошляка Голубова, конечно, не сентиментально-сладкая покорность и пассивное, слякотное благородство Тани, конечно, не безпрѣтное ничтожество князя, могли направить ее на истинный путь. Конечно, все это, при извѣстной концепціи, только и могло привести къ тому, къ чему привело. Помогилосъ благородное, изъясненное сердце, а ужъ рука, недрогнувшая, покончила сразу съ нимъ, да не уже разбитымъ. „Выростила, а не знала, что такіе позора не сносятъ“, говоритъ Крюкъ надъ трупомъ Глафиры. Да, такіе „позора не сносятъ“, внутреннею позора, и гибнутъ они, не просвѣщенные свѣтлою любовью, оскорбленные, непонятые, ослѣпленные, съ горечью сознанія, что и вина-то ихъ, и еще съ болѣе горечью сознанія, что не вся вина ихъ—гибнутъ они съ отчаяніемъ въ сердцѣ и съ проклятіемъ на устахъ... И какъ пошли, мелки, ничтожны, передъ трупомъ Глафиры, жалуются всѣ эти, ее окружающіе, всѣ эти, ее непонимающіе, всѣ эти людшки съ ихъ маленькими страстными, маленькими желаніями, маленькими надеждами, съ ихъ сѣренькими, пошловатыми, сдѣланными счастьемъ, съ ихъ крохотнымъ примиреніемъ на почвѣ этого счастья... Не такого счастья, не такой жизни, не такого „примиренія“ хотѣла она, теперь лежащая здѣсь безжизненнымъ трупомъ, несладившая съ жизнью, съ ея ложью и пошлостью, несладившая и сама съ собою...

Такъ задумана у автора фигура Глафиры, но, какъ я уже сказалъ, этотъ замыселъ выполненъ не совсѣмъ удачно. Характеръ не вездѣ выдержанъ, сцены построены нѣсколько дѣланно и аляповато. Но, повторяю, кавна для актрисы дана. Г-жа Кадмина, къ сожалѣнію, болѣе воспользовалась опшб-

бенно настойчиво отстаивала прежній порядокъ взиманія означеннаго акциза.

Затѣмъ обсуждался вопросъ о питейныхъ заведеніяхъ, разсматриваемыхъ въ открытію въ 1882 году. Въ нынѣшнемъ году въ Харьковѣ 183 шинка. Въ настоящее засѣданіе послѣ нѣкоторыхъ преній большинствомъ голосовъ рѣшено было число это уменьшить до 150; распредѣленіе ихъ по улицамъ предоставлено управѣ, съ прежнимъ ограниченіемъ извѣстныхъ мѣстностей и при условіи прежняго жеребьевкаго способа раздачи мѣстъ. По обсуждаемому вопросу гласный Фесенко замѣтилъ, что было бы весьма желательно, чтобы права городского управленія относительно шинковъ распространялись и на рестораціи, число которыхъ въ Харьковѣ умножается, а распредѣленіе ихъ въ извѣстныхъ мѣстахъ города не зависить отъ управы. Мнѣніе это было поддержано другими гласными; и вопросъ большинствомъ голосовъ рѣшонъ въ смыслѣ ходатайства передъ правительствомъ о предоставленіи городскимъ думамъ права ограничивать число и мѣста всѣхъ трактирныхъ заведеній, т. е. шинковъ и рестораций. (До слѣд. №).

Редакція „Южно-Русскаго Горнаго Листка“, на основаніи увѣдомленія, полученнаго ею отъ горнаго департамента, сообщила намъ, что VI сѣздъ угледомышленниковъ, назначенный первоначально на 27 октября, созывается, съ разрѣшенія г. министра, на 8 октября этого года.

Въ настоящее время въ Харьковѣ, по распоряженію администраціи, производится переписка мѣстнаго еврейскаго населенія. Кромѣ свѣдѣній о званіи и занятіи евреевъ, собираются еще отзывы домохозяевъ о поведеніи.

Цѣны на хлѣбъ, въ настоящее время, достигли своего минимума: мука продается по 10 и 10 руб. 40 коп. за четверть, а овесъ—по 3 и по 3 р. 20 к. за четверть. Къ концу сентября и къ Покровской ярмаркѣ надо ожидать возвышенія цѣнъ на всѣ хлѣбные продукты.

† **Некрологъ.** Смерть есть одно изъ неотвратимыхъ явленій въ человѣческой жизни. Всѣ это знаютъ, всѣ это высказываютъ; но никто, однакоже, не въ силахъ безропотно склониться передъ ударомъ роковаго закона, особенно если ударъ этотъ падаетъ на голову такой благородной свѣтлой личности, какою былъ только что скончавшійся Александръ Юрьевичъ Зиберъ. Всѣ Харьковъ зналъ, любилъ и уважалъ этого высокообразованнаго, человѣчнаго и талантливаго педагога, который былъ добрымъ учителемъ и другомъ цѣлаго ряда молодыхъ поколѣній. Покойный А. Ю. Зиберъ могъ служить однимъ изъ самыхъ типическихъ представителей все болѣе и болѣе рѣдѣющей группы благородныхъ и любящихъ идеалистовъ—такъ называемыхъ „людей соро-

ковыхъ годовъ“. Лучшія отношенія, самая дорогія и близкія привязанности этого хорошаго человѣка принадлежали кружку другого и столь же дорогаго покойника, профессора Д. И. Каченовскаго.

Послѣдніе годы въ жизни А. Ю. Зибера были скорбною эпохою душевныхъ и физическихъ страданій отъ многихъ причинъ и вліяній. Чуткая и любящая душа усойнаго—человѣка съ весьма опредѣленнымъ убѣжденіемъ въ высокимъ чувствомъ гражданской любви къ родинѣ—изнемогла подѣгнетомъ семейныхъ потерь, смерти или удаленія друзей и прискорбныхъ общественныхъ явленій. Да останется же чистою и свѣтлою для лучшихъ людей Харькова память объ Александрѣ Юрьевичѣ Зиберѣ, на могилѣ котораго всѣмъ честный человѣкъ, по всей правдѣ, можетъ написать слова столь любимаго покойникомъ поэта Шекспира: „здѣсь замерло благородное сердце“.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Циркуляръ министра государственныхъ имуществъ управленіемъ государственныхъ имуществами, 7-го сентября 1881 г., № 77-й, о предоставлении крестьянамъ льготъ по покупке леса изъ казенныхъ дачъ. Согласно съ представленіемъ моимъ о дарованіи крестьянамъ льготъ по покупке леса изъ казенныхъ дачъ, Высочайше утвержденнаго 3-го сентября сего года, положеніемъ комитета министровъ постановлено разрѣшить, въ видѣ опыта, крестьянскимъ обществамъ, товариществамъ изъ нѣсколькихъ крестьянъ-домохозяевъ, а также отдѣльнымъ крестьянамъ-домохозяевамъ, представлять къ торгамъ на покупку казеннаго леса или дѣсныхъ матеріаловъ, взамѣнъ установленныхъ залоговъ: при покупкѣ цѣлыми обществами—мірскіе ихъ приговоры о взаимномъ другъ за друга ручательствѣ, при покупкѣ товариществами изъ нѣсколькихъ крестьянъ-домохозяевъ—круговое другъ за друга ручательство товарищей и, наконецъ, при покупкѣ отдѣльными крестьянами-домохозяевами—ручательства благонадежныхъ членовъ того же общества, съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ: 1) мірскіе приговоры принимаются безъ ограниченія оныхъ суммою ручательства; 2) ручательства однообщественниковъ за отдѣльных домохозяевъ, а также круговое другъ за друга ручательство товарищей, принимаются въ суммѣ, соотвѣствующей числу поручителей или товарищей, полагая по 15 руб. на каждаго; 3) по принятіи таковыхъ приговоровъ и ручательствъ въмѣсто залоговъ, другіе приговоры тѣхъ же обществъ, или ручательства тѣхъ же поручителей или товарищей не могутъ уже быть принимаемы въ обезпеченіе при покупкѣ другого леса, до окончанія расчѣтовъ съ казною по операціи, обезпеченіемъ которой служатъ тѣ приговоры или ручательства; 4) означенные въ § 1-мъ мірскіе приговоры состав-

ляются не менѣе, какъ двумя третями крестьянъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сѣздѣ, съ соблюденіемъ, притомъ, порядка, указаннаго въ законахъ о состояніяхъ (особ. прилож. къ общ. пол. ст. 52-я, 53-я, 56-я и 57-я); приговоры сін, равно какъ и отдѣльныхъ ручательствъ или круговыхъ ручательствъ товарищей, должны быть засвидѣтельствованы въ правильности и подлинности ихъ мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ и внесены въ имѣющуюся въ правленіи книгу договоровъ и сдѣлокъ, и 5) подлинныя мірскіе приговоры и ручательства пишутся на простомъ бумагѣ и хранятся въ мѣстномъ управленіи государственныхъ имуществъ до истеченія срока обязательствъ по онымъ, послѣ же сего возвращаются, съ надписью, въ волостное правленіе, которое отъ того времени не имѣетъ права вносить въ указанную въ преддѣлѣ 4-мъ пунктѣ книги другіе поручительные приговоры того же общества и ручательства тѣхъ же поручителей или товарищей, въ обезпеченіе иныхъ обязательствъ съ казною. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи поставлю въ извѣстность управленія государственныхъ имуществами, для надлежащаго руководствъ и исполненія, съ тѣмъ, чтобы о настоящей льготѣ по покупке леса крестьянскими обществами имъ было немедленно объявлено чрезъ мѣстныя волостныя правленія и чтобы слѣдующіе торги были произведены уже со включеніемъ въ кондичіи содержанія означенной льготы для крестьянскихъ обществъ.

ТЕЛЕГРАММЫ

(отъ спец. корреспонд. „Южн. Края“.)

Парижъ, 18 (30) сентября, пятница. Президентъ республики Жюль Греви возвращается 23 сентября. Палаты созываются на 16 сентября.

(отъ „Международ. телегр. агентства“.)

Петербургъ, 19-го сентября, суббота. „Новое Время“: 18-го сентября Государю Императору имѣли счастье представляться въ Петергофѣ: начальники губерній: нижегородской—г. Безакъ и лифляндской—г. Искусель-Гильдебрандтъ; дворянскіе предводители губерній: владимірской—г. Кожинъ и полтавской—г. Устиновичъ; генералы: Милорадовичъ, Мирковичъ и Сипягинъ и депутація отъ татаръ байдарской долины, поднесшая адресъ на русскомъ языкѣ. Послѣ приѣма депутатамъ предложено было завтракать.

Константинополь, 18-го (30-го) сентября. Тиссо энергически ходатайствовалъ о принятіи предохранительныхъ мѣръ противъ холеры.

Петербургъ, 19-го сентября, суббота. „Новое Время“: предсѣдателемъ общаго совѣщанія по питейному вопросу назначенъ товарищъ министра финансовъ Николаевъ.

градусъ“, не взирая на который, онъ все же находится въ „полномъ умѣ и здравой памяти“. И всѣхъ то онъ любитъ, и всѣхъ то ему друзья, и всѣхъ то хороши. Обидѣлся было онъ на жену—Максиму, бабу злую, съ сердцемъ было запершую его въ свинной хлѣбъ, да и то ничего... Нѣтъ у него ни горькихъ воспоминаній, ни жалобъ, ни обиды на прошлое, искалѣчившее его. Все вынесла, все простила всепокоряющая сила любви, свѣтящаясь въ этихъ припухшихъ, добрыхъ—добрыхъ глазахъ. А прощать надо было многого. Былъ онъ и въ мальчишакѣ, и били его и ремнемъ, и утюгомъ, и вѣхъ же?—били много и часто. Били, вѣда, то, что принесъ водки, били и за то, что не принесъ водки. А потомъ у него сползла... не все же среди всѣхъ этихъ толчковыхъ, подзатыльниковъ, брани сумѣлъ сохранить неприкосновенною свою свѣтлую, человѣчную личность, свою слабую, но любящую все и всѣхъ душу. Онъ и сердится то заправду не можетъ, кинигится, кричитъ, но такъ, что всѣ сразу и понимаютъ, что это не заправду, даже ребятишки, съ которыми онъ любитъ возиться, понимаютъ и никакой остротки его не боится. Такъ, по слабому намеку автора, сумѣлъ г. Максимовъ создать и развѣяснить намъ этотъ глубоко-симпатичный типъ пропойнаго-пьяницы. И въ спектаклѣ, 15 сентября, г. Максимовъ исполняя свою роль очень хорошо, но нельзя не замѣтить, что въ прошлой сезонъ она шла у него много ровнѣй. Можетъ быть, это зависитъ отъ того, что тогда ему пришлось исполнять роль съ совершенно сгравиреисей группой, такъ какъ дѣло было въ срединѣ сезона. „Принять“ былъ г. Максимовъ прекрасно. Публика, очевидно, хорошо его помнитъ. Выходъ его на сцену былъ встрѣченъ общими и дружными рукоплесканіями; не менѣе дружныя рукоплесканія сопровождали артиста и въ продолженіи всей пьесы.

Въ исполненіи г-жонъ Кадминой роли Глафиры опять таки проявились всѣ общіе недостатки и промахи, указанныя выше, но кромѣ того артистка, очевидно, плохо обдумала свою роль. Авторъ задумалъ цѣлѣю изобразить довольно сложный типъ. Положимъ, характеръ Глафиры ему не совсѣмъ удался, но все же роль написана настолько хорошо, что актрисѣ дана канва, по которой она могла бы создать цѣльную и законченную фигуру. Глафира вовсе не просто вѣзломощная дѣвчонка, самодурка, которая фуксничаетъ и ломается только потому, что некому ей задать хорошей остротки, что всѣ ей „подражаютъ“, выражаясь языкомъ героевъ Островскаго. Нѣтъ, Глафира именно человѣкъ съ горячимъ, но неуходившимъ сердцемъ, способнымъ столь же страстно откликнуться на все великое, прекрасное и благородное, какъ и на все злое и недоброе. Она сама себѣ не рада, сама не рада своему сердцу, вѣчно, какъ птичка въ кліткѣ, бьющаяся въ ней, и груди, да справиться то она съ нимъ не можетъ. Съ такими людьми опасно шутить, потому что у нихъ нѣтъ покорности. Они ужъ коли любятъ—такъ любятъ,—любятъ до конца-краю, до ножа, до пелли, но за то ужъ коли не навидятъ, то опять ужъ до конца-краю, безъ удержу. Глафира именно изъ тѣхъ натуръ, которыхъ—какъ Магдаліну, одно слово великой любви можетъ превратить изъ блудницы въ святую, изъ погнителя въ мученика, которыхъ одно слово великой любви можетъ прямо съ безпутной оргіи бросить въ погнѣмъ Христа въ судорогахъ несладкаго покаянія. Правда, такіе люди грубнать, какъ многие, но за то страдаютъ, какъ многие—и въ этомъ ихъ заслуга и оправданіе. Съ такими натурами нельзя шутить. Любовь, только одна любовь, осмысленная и свепроощающая, ясная любовь можетъ исцѣлить язвы ихъ души, вытравить изъ этой души все злое и недоброе, оставивши только одну чи-

сти автора и очевидно плохо обдумала свою роль. Она сыграла Глафиру именно, и только вѣзломощной, самодуркой, очень рѣдко сбиваясь съ этого тона на болѣе подходящій. Всѣ вышники и выходы Глафиры были переданы не такъ, какъ они должны были бы выходить у человѣка, который „себя не помнитъ, людей не видитъ въ этомъ разѣ“, выражаясь словами Краснова, а именно, какъ у человѣка, на котораго ежели хорошенько прикрикнуть, то онъ и утихнеть. Что артистка плохо поняла роль, ярче всего показала чрезвычайно важная для роли Глафиры, да и для всей пьесы, сцена у павильона въ 4-мъ актѣ. Истрадавшаяся, измученная внутренними противорѣчіями Глафира, наконецъ, будто нападающая на настопящій слѣдъ. „Совѣсть стучится—говоритъ она—другіе вы она медленно точитъ, по каплѣ сочитъ въ душу яду, а меня... меня загрызетъ, изложметъ, вздохнутъ свободно не дасть! (Рѣшительно и энергично) Сликнуть всѣхъ, при всѣхъ вынести грязь изъ душонокъ! Не поажу, избивую себя—но сама. А чужой судъ... Нѣтъ, лучше ножъ въ сердцѣ! Она уже хочетъ идти, да такъ и сдѣлать: разсказать все князю, но на свое несчастье сталкивается съ Таней, которая начинаетъ добывать ее своимъ тумнымъ, слонявшимся благородствомъ. И вотъ слѣдъ опять потерявъ, голова снова помутилась, въ сердцѣ снова стало стучало. Выходитъ князь. „Вы хотѣли что то сказать мнѣ?“—Ничего!.. отвѣчаетъ Глафира глухимъ, сорвавшимся, полнымъ нестерпимой внутренней муки, голосомъ. Г-жа Кадмина произнесла это „ничего!“—просто съ капризными, вызывающимъ задоромъ. А вѣдь, вся эта сцена, а особенно это „ничего“, приготовляетъ послѣдующую сцену самоубійства, дѣлаетъ ее понятною—сцену, къ которой г-жа Кадмина не подготовила зрителя. Впроодолженіе всей длинной сцены, когда князь и другіе разговариваютъ

съ отыскавшейся Таней, г-жа Кадмина совершенно безучастно стояла въ сторонѣ, лишь вѣшными и неподходящими жестами стараясь выразить свое внутреннее душевное состояніе, такъ что ударъ ножомъ вышелъ вполнѣ неожиданнымъ. А между тѣмъ, мы натурно знаемъ, что артистка превосходно могла бы исполнить именно эту молчаливую сцену. Всѣмъ памятна, уже разъ упомянутая въ прошлыхъ моихъ „Замѣткахъ“, мимическая сцена въ „Русалкѣ“, впроодолженіе аріи Мельника—сцена, которую г-жа Кадмина производила потрясающее впечатлѣніе. Еслибъ она сдѣлала нѣчто подобное и здѣсь, еслибъ она очнулась только при восклицаніи отца „въ ноги ей!“—то и это: „Н—на! повинилась!“—съ которымъ она возмаетъ ножъ себѣ въ грудь, хорошо подготовленное, произвело бы надлежащій эффектъ. Словомъ, дѣло стало за немногимъ: надо заняться ролью, и если г-жа Кадмина займетъ бездарностей и пошлостей, среди всѣхъ этихъ „Мертвыхъ петлей“, „Дочерей вѣвъ“ и пр., это одна изъ немногихъ ролей, которую очень и очень стоить заниматься. Что сказать о г-жѣ Понизовской, исполнявшей роль Тани? Право, не хочется даже и говорить. Неужели у этой артистки такая уже страсть всегда все дѣлать наоборотъ? Авторъ рисуетъ Таню кроткою, вкорючно заглавною дѣвучкою, сумѣвшею все же сохранить и чистое сердце, и чистую душу, и уваженіе къ себѣ—дѣвучкою, у которой даже въ самыя горькія минуты не просыпаются злоба и обида, которая, то бы она ли говорила, умѣетъ приять своему тону колоритъ кроткости и мягкости,—а г-жа Понизовская сыграла ее (особенно въ сценѣхъ съ Глафирой) чуть не какимы то аспидомъ. И потомъ, откуда это у Тани, олицетворенной кроткости,—такія ухарскія, разухабистыя манеры и

жестикаліяціи? Мы уже разъ имѣли случай говорить объ этой разухабистости манеръ, сообщаемой, ни къ селу, ни къ городу, лицамъ, которыхъ изображаетъ на сценѣ г-жа Понизовская—но наше замѣчаніе такъ и осталось вгласомъ вопіющимъ въ пустынь. Неужели же артистка не можетъ отбѣлаться отъ этого, рѣвущаго глаза недостатка. Могу ее также увѣрить, что размашистая читка—вообще еще не есть синонимъ хорошей читки, точное такъ же, какъ размашистое гримасничанье—вообще не есть мимика; что исполнять роль такъ, что она выдается яркимъ маларнымъ пятномъ на фонѣ пьесы—вообще еще не значитъ исполнять ее хорошо. Конечно, всѣми этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „верховъ“ театальной залы—почему и въ райкѣ не сидѣть знатоку и цѣнителю?—„верхи“ могутъ наполнять этими качествами можно заслужить весьма дружныя и весьма азартныя рукоплесканія „верховъ“—но только ужъ никакъ не „верховъ цивилизаціи“, а именно тѣхъ „верховъ“, рукоплесканія которыхъ не весьма лестны. Впроочемъ, я тутъ вовсе не подразумѣваю „

Православный календарь.

ной стоимости, если товар окажется не надлежащего качества, или где найдется де-
шевым жителям в теченіи 3-хъ, а иногороднимъ 10-ти дней. Бр. А. и М. Бидовицкіе.